

СЛУШАЯ РЕВОЛЮЦИИ ШАГ...

Я иду по вечерней Москве, мимо гостиницы «Националь», телеграфа, мимо любимого памятника на площади Пушкина. Я возвращаюсь домой после концерта на студенческом вечере.

Еще один перекресток, и еще один памятник, и тоже — поэту. Он простер свою ручищу над площадью, которая носит его имя. Сегодня в концерте я читал его стихи, и сейчас я думаю о нем, о нашей эпохе и нашей жизни. Думаю потому, что город в этот вечер принарядился, зазел, загорелся: город готовится к празднику, который бывает каждой осенью. На этом празднике веселятся, на этом празднике вспоминают, подводят итоги прожитых лет. Страна — свои итоги, человек — свои, ибо страна слагается из людей, а ее жизнь, ее поступь из многих миллионов людских дел.

Их вершат физики, медики, строители, космонавты, слесари, поляриники, учителя. И, конечно, поэты, художники и артисты. И каждый гордится своей профессией и тревожится за нее. Осенью сорок первого на этих улицах прохожего встречал плакат: «...Что ты сделал для фронта?». Жаль, что подобного плаката нет сейчас, но надо думать, что вопрос: «Что ты сделал сегодня для Родины?» каждый из нас задает себе сам.

Говорят, что молодежь нынче не заманишь слушать «идейные» стихи и «серьезную» музыку, что она, молодежь, предпочитает вист. Она действительно танцует, в том числе и вист, но всех, кто замечает только это, я в административном порядке обяжал бы тобывать на молодежных вечерах, где читают и слушают Маяковского. Ибо здесь-то как раз и понимаешь, что для нашего поколения Маяковский — не великий поэт из хрестоматии, а ровесник, что его темперамент, его страсть, его идеалы — темперамент, страсть и идеалы человека сегодняшнего, живущего. Маяковский рожден революцией, стал ее певцом и сутью и останется ее совестью. Каждый артист, выходя-

Василий ЛАНОВОЙ,
артист Театра имени Евг. Вахтангова

щий на сцену читать его стихи, сердцем знает это, а потому переживает в такие минуты святое чувство приобщения к большому революционному искусству. А это чувство нам, артистам, даруется не очень часто.

Можно найти яркую, неожиданную форму, неожиданные краски, новые слова, и таким находкам нередко сопутствует успех, порой даже шумный. Но когда проходит первое ощущение, когда затихнут овации, неотвратимо встает вопрос: а что же хотел сказать художник? Чем, какими мыслями обогатил он своих зрителей, читателей, слушателей? Вот тут-то и проступают контуры слабеньких крыльев, ибо только степенью гражданственности, партийной страсти сделать мир и людей лучше определится в конечном итоге единственно вечная ценность произведения искусства.

Так и у нас, в театре. Выходит артист на сцену, играет хорошо, пусть даже блестяще. Но если вы не почувствовали в нем гражданина, небезразличного к своему времени, его мастерство останется ремеслом и только. А ремеслу можно обучить даже кибернетическую машину. Работа артиста может стать искусством только в том случае, если роль для него — драгоценный сосуд, который он должен заполнить собственным человеческим существом, отстаивающим свой взгляд на мир.

Я принадлежу к числу артистов, которым объективно повезло. Мне выпала доля играть роли, где не приходилось латать формальными приемами недостаток мысли и темперамента. Одной из таких жизненных удач стала моя встреча с Николаем Островским. Девять лет назад я участвовал в качестве исполнителя главной роли в экранизации романа «Как закалялась сталь». Это была роль, на которой я учился не столько мастерству, сколько гражданственности, сколько молодого

сти (хоть и сам я тогда был совсем молодым).

До той поры революцию я «проходил» в школе, в театральной студии, в книгах. Но во время работы над картиной, над образом Корчагина революция стала для меня живой жизнью, я прикоснулся к ней своим сердцем, сделал в ней свои открытия.

Я не прибавлю ничего нового к общеизвестным истинам, если стану изливать свои мысли, эмоции, пересказывать все, что узнал в ту пору об Островском. Но не могу удержаться, чтобы не вспомнить слова Романа Роллана, который отправился к Островскому в пору, когда болезнь подвела последнюю черту его жизни. Роман Роллан ожидал встретить самые грустные глаза в мире, ибо что может быть трагичнее такой судьбы. А встретился с самым большим оптимистом мира.

Такое же потрясение и обогащение чувствовали мы, кто во время съемок соприкоснулся с жизнью Николая Островского, с его удивительной книгой. Это была доля меня встреча не с персонажем, которого я играл, а с человеком, который меня многому научил.

Я не призываю «переселять» сегодняшних людей в годы Островского, я просто мечтаю, чтобы герои наших пьес жили и чувствовали, как он. А ведь если перебрать в памяти названия и имена, немногие произведения выдерживают такую проверку.

В какой-то мере я узнавал черты Корчагина в так непохожем на него Лешке Максимове из повести Аксенова «Коллеги». На первый взгляд они несопоставимы. Но чем глубже уходили мы в работу, когда снимался фильм под тем же названием, тем ближе виделось внутреннее сходство. Как и Корчагин, Максимов и его друзья жили бескомпромиссно, искали пути трудные, собственные. Как и Корчагин, он подставлял свои плечи, чтобы нести на себе сегодняш-

ний день, не стремись переложить хоть часть его груза на других. Как и Корчагин, он озабочен был проблемой: как прожить жизнь, чтобы люди нуждались в нас, помнили о нас? Моя гражданская задача — как я ее ощущал — сводилась в роли Максимова к ответу на эти главные вопросы. И все мы, писатель, режиссер, артисты, стремились ответить: да! На этих ребят можно положиться, с ними можно пускаться в будущее, они не подведут, не дрогнут в пути.

Уже улеглись теперь жаркие споры о фильме «Председатель», и я не хочу подбрасывать огня для новых дискуссий. И тем не менее осмелюсь утверждать, что и герой этой картины, такой, каким сыграл его Михаил Ульянов, имеет право стать рядом с Корчагиным. Он так же преданно служит революции, идет к своей звезде и не отступит, не спасует, не протешевит. Я не случайно оговорился: таким, как его играет Ульянов. Ведь если говорить о большомдыхании образа и всего фильма, если ощущаются не слабенькие, а мощные крылья, мысли и чувства, то во всем этом есть равноправное участие Ульянова, артиста и гражданина, есть его активная человеческая и художническая позиция.

Вот о чем следует говорить, заботиться, болеть, если мы не хотим, чтобы никогда не проходил золотой век революционного искусства, чтобы не сдавало оно передовые рубежи времени.

Господа поэты, неужели не наскучили пажи, дворцы, любовь, сирени куст вам? Если такие, как вы, творцы — мне наплевать на всякое искусство.

Так обращался к своим товарищам по оружию Маяковский в стихотворении «Братья писатели» в 1917 году. К призыву поэта нечего добавить. И сейчас нам, творцам искусства, надо услышать его голос.